

Научная статья

УДК 81-112

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.08

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ КАК ФАКТОР ПАРАТОПИИ РЕФЛЕКСИВНОГО ДИСКУРСА

Райскина Валерия Александровна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

rayskinav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0610-6458>

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации семиотических элементов как конструкторов ренессансного рефлексивного дискурса. Актуальность проведенного исследования связана с необходимостью комплексного анализа форм конструирования рефлексивного дискурса, который представляет собой средство реализации когнитивной деятельности с учетом культурного универсума и аксиологической системы субъекта. Исследование соотносится с актуальными представлениями о дискурсивной, когнитивной и аксиологической доминантах языковых практик. В связи с этим целью данной статьи стало выявление функций особых, культурно и исторически обусловленных, языковых знаков — рукописных цитат на потолочных балках библиотеки ренессансного философа Мишеля Монтеня. Ведущим **методом** в исследовании данного объекта являлся метод концептуально-аксиологического анализа, который позволил описать когнитивно-коммуникативный опыт философа с опорой на рекуррентные концептуальные и ценностные единства рефлексивного дискурса. В статье обоснован подход к изучаемым семиотическим элементам как к диахроническим прецедентным текстам, которые играют в топосе личной библиотеки ключевую роль конструирования рефлексивного дискурса философа и трансляции его ценностной картины мира. Материал исследования включал 64 рукописные цитаты на латинском и греческом языках, представленные в филактерах на потолочных балках библиотеки М. Монтеня.

© Райскина В. А., 2023

Данные материалы позволяют сделать вывод о том, что лаконичность и лапидарность характеризуют прецедентные тексты на балках в связи с тем, что микротекст служит мнемическим знаком. Обосновано, что текстовый след М. Монтеня следует считать центром конструирования рефлексивного дискурса Возрождения. В результате анализа семиотических знаков-цитат раскрыто тематическое и оценочное содержание прецедентных текстов на балках: описаны концептосферы *мудрость, знание, жизнь, смерть, Бог, человек*. Выявлены ключевые аксиологические категории монтеневского дискурса: *отречение от суждения, умеренность, самодостаточность, принятие естественного хода событий, антропоцентризм*. Разработанная модель анализа рефлексивного дискурса способствует дополнению исследований в рамках дискурсивно-когнитивной парадигмы и может быть экстраполирована на изучение концептуальных и ценностных элементов картины мира других исторических личностей.

Ключевые слова: оценка, лингвоаксиология, рефлексивный дискурс, паратопия, прецедентное высказывание, интертекстуальность, Мишель Монтень.

Для цитирования: Райскина, В. А. (2023). Семиотические элементы как фактор паратопии рефлексивного дискурса. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 96–110. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.08

Original article

UDC 81-112

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.08

SEMIOTIC ELEMENTS AS A PARATOPY FACTOR IN REFLEXIVE DISCOURSE

Valeriya A. Rayskina

Moscow City University,
Moscow, Russia

rayskinav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0610-6458>

Abstract. The paper presents the study of semiotic elements seen as constituents of the Renaissance reflexive discourse. The relevance of the research relates to the necessity of a complex analysis of the reflexive discourse construction. This type of discourse is defined as a means to verbalize someone's cognition including cultural and axiological subjective systems. The study correlates with up-to-date conceptions of discursive, cognitive, and axiological bases of language practices. In this regard, the aim is to identify functions of specific linguistic signs — handwritten quotations left by Michel Montaigne on his private library joists. The leading research method is the conceptual-axiological analysis that allows to rebuild cognitive and communicative experience of the philosopher on the basis of recurrent concepts and values presented in his reflexive discourse. The author justifies that semiotic elements are diachronic precedent texts, that represent the library's topos and play a key role in constructing reflexive discourse as well as in translating values. The material of the study includes 64 Latin and Greek handwritings, left on Montaigne's library joists. It is substantiated that conciseness and lapidarity emerge as categories

of precedent texts on joists because microtexts serve as mnemonic signs. Montaigne's text trace is crucial for the Renaissance reflexive discourse. As the result of conceptual-axiological analysis of semiotic signs the author reveals core concepts and values of precedent texts: *wisdom, knowledge, life, death, God, human*. Major axiological categories of Montaigne's discourse are *renunciation of judgment, moderation, self-sufficiency, natural course of events, anthropocentrism*. The developed model of reflexive discourse's analysis contributes to discursive-cognitive studies and may be extrapolated on exploring other historical persons as well as conceptual and axiological elements building up their worldviews.

Keywords: evaluation, linguaxiology, reflexive discourse, paratopy factor, precedent text, intertext, Michel Montaigne.

For citation: Rayskina, V. A. (2023). Semiotic elements as a paratopy factor in the reflexive discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 96–110. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.08

Введение

Феномен рефлексующего субъекта речевой деятельности соотносится с актуальными представлениями дискурсивной и когнитивной лингвистики об установках человека говорящего, которые состоят в реализации и вербализации познавательной деятельности посредством языковых практик. Рассматривая речевую деятельность с позиции ее рефлексивно-дискурсивной доминанты, подчеркнем взаимосвязь языка и культуры через познание (рефлексию), которое реализует функции осмысления, медиации, оценки, внутреннего монолога (*речь для себя*, по Л. С. Выготскому). Понятия *дискурс* и *рефлексия* неразделимы в силу того, что когнитивный процесс связан с речепроизводством, результатом которого является порожденный текст (Сулейманова, Фомина и Тивьяева, 2020, с. 47).

Предпринятое исследование особенностей ренессансного рефлексивного дискурса Мишеля Монтеня направлено на изучение конструирующих фактор паратопии семиотических знаков, которые представляют собой рукописные цитаты из античных и христианских произведений, оставленные философом при жизни на потолочных балках собственной библиотеки. Концептуально-аксиологический анализ оригинальных надписей, представляющих прецедентные тексты, позволяет очертить круг моделирующих картину мира элементов, проследить когнитивно-коммуникативный опыт ренессансного философа и реконструировать субъективную аксиологическую систему.

Методология и материал исследования

Рефлексия является комплексным вопросом изучения в областях философии, психологии, педагогики и лингвистики (Кудинова, 2015, с. 481). Диахронический вектор понимания данного термина (Лефевр, 2003) включает в себя

такие константы, как мышление, внутренняя деятельность, направленность на себя, оценка и опыт мышления, коммуникативный акт.

Диахрония обращения к понятию *рефлексия* берет свое начало в античной философии (Аристотель), а затем получает значительное развитие в рамках *философии* и *гносеологии* Нового времени и Просвещения (Р. Декарт, Д. Локк, Гегель, Э. Кант), а также в рамках отечественной *философии* и *теории познания* (А. П. Огурцов, В. Г. Богин). Рефлексивный дискурс является ключевым термином в отечественных исследованиях в области *лингводидактики* и *межкультурной коммуникации* (Т. В. Морозкина, Э. Н. Маллямова, Я. Русинякова, Э. В. Суслова, Н. А. Кудинова, К. А. Врыганова); *лингвистической семантики* (А. В. Канафьева, С. Н. Бредихин); *дискурсивной* и *когнитивной лингвистики* (Т. В. Морозкина, Н. Н. Герасимов).

Если *рефлексия* — это высшая когнитивная способность, то *рефлексивный дискурс* следует определить как речевой акт (внутренний или вербализованный), необходимый для реализации когнитивной деятельности. *Рефлексивное Я* выступает субъектом, порождающим текст, являющийся результатом длительной когнитивной деятельности в совокупности с экстралингвистическими условиями построения культурного универсума и аксиологической системы субъекта. В условиях рефлексивного акта субъект конструирует «собственную коммуникативную программу», порождая внутреннего собеседника, активизируя процессы сознания, интерпретации и оценивания результатов когнитивной деятельности (Морозкина, Врыганова, 2017, с. 89).

В связи с этим рефлексивный дискурс транслирует индивидуальные способности проживания, познания и оценки импульсов окружающей действительности. В концепции когнитивной деятельности человека рефлексивный акт представляет собой некоторую остановку сознания, необходимую для осознания, мыслеречевой обработки информации (Морозкина, 2014, с. 97). Представим модель рефлексивного дискурса: *рефлексивное Я* (субъект) > *рефлексия* (смыслопоисковая автокоммуникация) > *актуализация рефлексии* (текст). Исследования нехудожественных текстов, созданных литераторами, свидетельствуют о наличии коммуникативно-прагматических особенностей, а также указывают на проблему определения объекта и субъекта данного типа текстов (Дубнякова, Кашина, 2017, с. 42). Уточним, что текст в данной модели выступает в широком значении как стимул и как результат смыслопоискового общения. Содержащиеся в нем высказывания имеют рефлексивный, оценочный и самооценочный потенциал (Канафьева, 2020, с. 138–139). Таким образом, *рефлексивный дискурс* направлен на генерацию, трансформацию и оценивание смысловых конструктов (идей).

Специфичность ренессансного рефлексивного дискурса определяется, с одной стороны, возникновением феномена *дискурс* в эпоху Возрождения (Касавин, 2006, с. 3). С другой стороны, доминанцией в картине мира *нового человека* являлось «стремление объять необъятное благодаря синкретизму ренессансного мировоззрения» (Михайлова, 2017, с. 346); высшими ценностями были эрудиция, образование, философствование, размышление и познание. Центром

конструирования рефлексивного дискурса Возрождения является наследие автора «Опытов» (*Essais*), европейского писателя, философа, эрудита и политика Мишеля Монтеня (*Michel Eyquem de Montaigne*, 1533–1592), выступающего в роли креатора собственного и общекультурного универсума понимания картины мира и аксиологической системы эпохи. Обратим внимание на то, что феномены субъективного порядка невозможно отделить от их аксиологического основания (Vikulova et al., 2020, p. 169), выражающегося в оценочном потенциале используемых языковых средств.

Одним из ключевых элементов монтеневского рефлексивного дискурса является пространство личной библиотеки (*librairie*), которая играет роль когнитивного пространства авторской деятельности. Уникальность данного топоса состоит в том, что при жизни Монтень собственноручно увековечил цитаты из значимых для него трудов латинских и греческих авторов на потолочных балках личной библиотеки. Рефлексивный дискурс М. Монтеня, физически воплощенный в личной библиотеке, во всей полноте отражает ключевые категории дискурса, выделяемые современной лингвистикой: процессуальность, интерактивность, связь с реальностью (Дискурс..., 2018, с. 15). Реконструкция надписей методом ультрафиолетового излучения, предпринятая в рамках проекта *MonLoe (MONtaigne à L'Œuvre)*, позволила восстановить 64 надписи (MONLOE).

Круг чтения М. Монтеня находит отражение в пространстве библиотеки, наполненной прецедентными текстами: цитатами, афоризмами и максимами из Священного Писания и трудов античных философов в стихах и в прозе на латинском и греческом языках. Семиотические рукописные знаки пространственно разделены на восемь надписей, оформленных в филактеры (идеографические знаки-выноски), на двух несущих балках (*poutres maitresses*), а также на 56 изречений на поперечных балках в трех пролетах (*travées*).

Результаты исследования

Расположение рукописных семиотических элементов на поперечных и несущих потолочных балках свидетельствует об авторской прагматической установке: создать ориентирующие знаки для посетителей, запечатлеть человеческое знание, оформить лабораторию для «Опытов» (Legros, 2003). Подвижность и динамичность архитектуры семиотических элементов создается благодаря ориентации надписей: каждая вторая строка написана в противоположном направлении, что организует ощущение движения, «прогулки по мыслям и воспоминаниям» автора вместе с ним.

Семиотическая наполненность знаками ренессансной и античной культур свидетельствует о валидности рассмотрения монтеневской библиотеки как *паратопии* — «прагматически и социокультурно значимого коммуникативного пространства» (Maingueneau, 1993, p. 28). При этом учитывается «фактор паратопии» XVI в. (Михайлова, 2011, с. 112), так как библиотека выступает

открытым локальным небольшим пространством, значение которого раскрывается в полной мере непосредственно для его креатора и для адресата, стремящегося разделить его знания, оценки и взгляды (Борботько, Короленко, 2016, с. 98).

Библиотека как фактор паратопии выстраивает континуум рефлексивного дискурса. Прагматическая наполненность данного пространства формулируется М. Монтенем на входной церемониальной надписи. Философ описывает себя как уставшего от политической карьеры изгнанника, который отныне посвящает себя *libertas, tranquillitas, otium* (свобода, умиротворение, праздность). Оформление топоса библиотеки рукописными цитатами транслирует полиадресованность, культурную маркированность и диалогичность рефлексивного дискурса М. Монтеня (Викулова, 2012, с. 35), так как фактор паратопии реализует дискурсивную стратегию философа по созданию коммуникативного канала автор → адресат (Викулова, 2005, с. 12). Проявляется «социодискурсивная роль» автора, манифестирующая себя в создании условий направленности текста на потенциального адресата (Викулова, 2012, с. 65). Создается паратопическая ситуация (*la situation paratopique*), через которую автор определяет себя и конструирует элементы собственного рефлексивного дискурса (Jakubczuk, 2021, p. 38). Автор надписей на балках указывает на необходимость не только опираться на знания и суждения древних мыслителей, но и присвоить их себе, сделать собственными (книга I, глава XXV) — *nous prenons en garde les opinions et le sçavoir d'autrui, et puis c'est tout. Il les faut faire nostres*¹ (The Montaigne Project).

Литературные вкусы играли социально маркирующую роль, отражая общественное положение личности (Викулова, 2012, с. 270). В XVI в. отражением культурной интуиции писателя являлся круг чтения: состав личной библиотеки, оперирование выученными наизусть высказываниями и использование в разговорной речи любимых цитат и афоризмов на иностранных языках. Отметим, что в отношении собственной памяти автор «Опытов» высказывался критично (*la trahison de ma memoire et son default*²) и указывал на привычку завершать чтение книги заметкой (*notes, annotations*) с указанием даты чтения и общих суждений о книге и ее авторе (книга II, глава X) — *le temps auquel j'ay achevé de le lire et le jugement que j'en ay retiré en gros, afin que cela me represente au moins l'air et Idée generale que j'avois conceu de l'auteur en le lisant*³ (The Montaigne Project).

Следует отметить лаконичность (краткость и сжатость) и лапидарность (ясность и доходчивость) как категории прецедентных текстов, использованных для надписей на балках. Креатора рефлексии как дискурсивного образования

¹ Мы берем на хранение чужие мысли и знания, только и всего. Нужно, однако, сделать их собственными (здесь и далее перевод наш. — В. Р.).

² Память изменяет и имеет недостатки.

³ Дату, когда я закончил ее читать, и в общих чертах суждение, которое я о ней вынес, чтобы иметь возможность на основании этого по крайней мере припомнить общее представление, которое я составил себе о данном авторе, читая его.

следует отнести к «мыслительному» типу человека говорящего, поскольку в рамках когнитивной и речевой деятельности М. Монтень использовал прием *дробления* действительности (Черкашина, 2009, с. 82), создав в результате уникальный жанр *essai*, а также оставив фрагментированное знание прошлого. Малоформатный текст надписей обусловлен объективными причинами отсутствия большого пространства. В то же время краткий, сжатый стиль изложения в микротексте позволяет М. Монтеню наметить вектор собственной мысли, создать таким образом мнемические знаки, которые выступают инструментом вербализации памяти и ее процессов (Тивьяева, 2020, с. 304).

Цитаты на балках включают в себя от 2 до 17 языковых элементов, а средняя длина прецедентного микротекста составляет 8,2 языковых знака. Обращаясь к дискурсивной категории *интертекстуальности*, прецедентный текст следует определить как связующее звено «между значимостью языкового выражения и культурно-языковым опытом личности говорящего» (Чупрына, 2014, с. 71). Прецедентные тексты, становясь культуруносными знаками, позволяют аккумулировать и транслировать знание прошлого, поскольку являются эффективным средством «раскрытия содержания концепта» (Чупрына, Баранова и Меркулова, 2018, с. 120).

Фактор паратопии ярко реализуется благодаря первой надписи на несущей балке, *встречающей* входящего в библиотеку: *ivdicio alternante (le jugement allant et venant)*. Данное изречение имеет значения *судить одно исходя из другого, уравновешивающее суждение, чередование суждения* и соотносится с монтеневской философской установкой об относительности знаний и о переменчивости мнений.

Примечательно, что шесть надписей на главных балках из восьми являются максимами греческого философа Секста Эмпирика (*Sextus Empiricus*, II в. н. э.), который разработал и уточнил скептическую доктрину, послужившую основой всей философской мысли М. Монтеня. Среди основных положений философа, нашедших прямое отражение в «Опытах», отметим идею о равной достоверности противоположных суждений, отказ от догматизма. Скептические идеи зафиксированы М. Монтенем на главных балках:

- воздержание от суждения и определения (*ακαταληπτω — je ne sais pas; ου καταλαμβανω — je ne conçois pas*);
- равнозначность противоположных взглядов (*ουδεν μαλλον — à égalité; αρρεπωσ — sans pencher*);
- необходимость эмпирического, т. е. опытного познания (*επεχω — j'attends; σκεπτομαι — j'examine*).

Представим результаты частотного анализа источников прецедентных текстов на поперечных балках (рис. 1).

Рефлективный дискурс философа свидетельствует о том, что М. Монтень всегда прислушивался сквозь время к великим деятелям истории, которые были непостоянными и переменчивыми, как и сам философ (Gagnebin, 2009, p. 237). Наиболее цитируемым автором у М. Монтеня является византийский историк, издатель и писатель Стобей (*Stobée*, V в. н. э.), известный своей антологией

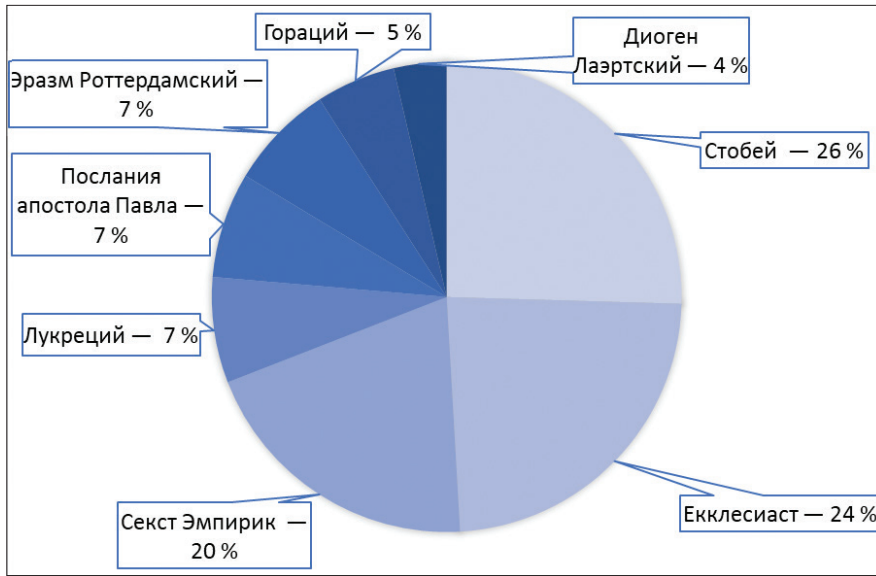

Рис. 1. Частотность авторов надписей на балках
 Fig. 1. Frequency of authors of joist writings

древнегреческих трудов. Таким образом, издания Стобея становятся для М. Монтеня вторичным текстом-источником античной философии. По Стобею писатель цитирует Менандра, Сократа, Эврипида, Софокла, Эпиктета и Геродота.

Ветхозаветная книга Екклесиаста также служит рекуррентным источником прецедентных текстов, конструирующих вневременную паратописческую ситуацию. Книга жизненной мудрости, по преданию, составленная библейским царем Соломоном, цитируется М. Монтенем в латинском варианте. Избранные философом прецедентные высказывания тематически группируются вокруг ядерных концептов: Бог (*deus*), человек (*homo*) и знание (*scientia, cognoscendi*). В отношении человеческого познания М. Монтень, будучи убежденным скептиком, принимает позицию, согласно которой данная Богом тяга к познанию обрекает человека на тревоги и переживания: *Cognoscendi stvdium homini dedit deus eius torqvendi gratia — Soif de savoir: donnée par dieu à l'homme pour le mettre sur le gri*⁴. Когнитивные способности человека ограничены, поэтому он не может приблизиться к истинному познанию внешнего мира: *Res omnes svnt difficiliiores qvam vt eas possit homo consequi — Toujours le réel par sa complexité dépasse les mots de l'homme*⁵; *Homini cognitvm qvam venti vestigivm — L'homme ne sait rien de plus que de l'empreinte du vent*⁶. Вместе с тем человек сравнивается с другими созданиями и приравняется к ним: *opera dei, dei operibvs, earvm rervm qvas deus tam mvltas fecit*⁷.

⁴ Жажда знания: она дана Богом человеку для того, чтобы испытать его.

⁵ Своей сложностью реальность всегда превосходит возможности человеческого языка.

⁶ Человек знает не более, чем дуновение ветра.

⁷ Все бесчисленные создания Божьи, большие и малые, едины по природе.

Ввиду того что доктрина Секста Эмпирика формирует монтеневскую философскую позицию, афоризмы его авторства записаны на балках как свод законов мышления и правил познания. Выполняя мненомическую и ориентирующую функции, высказывания греческого философа транслируют процесс становления, развития и укрепления взглядов М. Монтеня, которые основываются на ключевых положениях скептицизма и эмпиризма:

- *Ἐνδέχεται καὶ οὐκ ἐνδέχεται* — *C'est possible et ce n'est pas possible*⁸;
- *Ἀγαθὸν ἀγαστὸν* — *Le bon attire*⁹;
- *Πάντι λόγῳ λόγος ἴσος ἀντίκειται* — *Contre chaque argument un argument égal*¹⁰.

Предпринятый семантический анализ тематики прецедентных текстов на балках показал, что наибольшее количество цитат обращено к концептосфере *знание*, вербализуемой через лексемы именной (*la science, le savoir, sage, la vérité, le vrai*) и вербальной (*savoir; penser*) групп. Через высказывания других, выступающих медиатором философской рефлексии, М. Монтень формулирует положения гносеологии. Апеллируя к Екклесиасту, философ указывает на то, что вершиной человеческого знания является принятие естественного хода жизни:

- *Extrema homini scientia vt res svnt boni consvlere cætera secvrvm* — *Le sommet de la science humaine, c'est prendre les choses comme elles sont*¹¹.

Лингвистическая мысль М. Монтеня обращена к поиску семантического значения лексемы *savoir* (знание, знать). Продолжая размышление в духе скептицизма, абсолютная истина представляется недостижимой для человека в силу того, что слепой разум не может различить правды (*nec cæca potest mens cernere verum* — *aveugle il ne peut voir le vrai*¹²). Философ использует библейское прецедентное высказывание, которое представляет античную, христианскую и ренессансную точки зрения относительно невозможности постичь истину по причине того, что для человека недоступным является само понятие *знание*:

- *Si quis existimat se aliquid scire nondvm cognovit qvomodo oporteat illvd scire* — *Si quelqu'un estime savoir quelque chose, il ne sait pas encore quel est le sens du mot «savoir»*¹³.

Концепт *мудрость* представлен цитатами, наполненными негативными коннотациями. Например, мудрость сопоставляется с глупостью (*sapias | obstypescas*) и безумием (*sapientem | insipientes*). Три цитаты имеют синонимичное значение, которое следует свести к гносеологическому императиву М. Монтеня — «Не считай себя мудрым»:

- *Nolite esse prvdenles apvd vosmetipsos* — *Ne vous prenez pas vous-mêmes pour des sages*¹⁴;

⁸ Это возможно, и это невозможно.

⁹ Добро притягивает.

¹⁰ Каждому аргументу равное опровержение.

¹¹ Высшее достижение человеческой науки — это воспринимать вещи такими, какие они есть.

¹² Слепец не может увидеть истину.

¹³ Если кто-то полагает, что он что-то знает, то он не понимает самого значения слова «знание».

¹⁴ Не считайте себя мудрецами.

- *Ne plvs sapite qvam oportet sed sapite ad sobrietatem — Ne soyez pas plus sages qu'il ne faut, ne vous enivrez pas de sagesse*¹⁵;
- *Vae qvi sapientes estis in ocvlis vestris — Malheur à vous qui êtes sages à vos yeux*¹⁶.

Наряду с цитатами, которые оказали значительное влияние на философскую картину мира, М. Монтень наполнил библиотечный топос выражениями других, формулирующими его собственные правила жизни. Философская ретроспекция позволяет автору в XVI веке жить в соответствии с правилами Лукреция, Марциала, Горация. Начертанные изречения дают возможность современнику узнать личные жизненные, психологические и аксиологические установки философа эпохи Возрождения, среди которых представлены следующие ключевые идеи:

1. Все удовольствия и блаженства уже познаны:

- *Nec nova vivendo procvditvr vlla volvptas — On a beau vivre, aucun plaisir ne naît qu'on ne connaisse déjà*¹⁷.

2. Жизнь и смерть неподвластны человеку, поэтому следует наслаждаться настоящим, ничего не боясь и не ожидая от будущего:

- *Svmmvm nec metvam diem nec optem — Ni craindre ni souhaiter mon dernier jour*¹⁸;
- *Frvere ivcvnde præsenti bvs cætera extra te — Jouis du présent, le reste est hors de toi*¹⁹.

3. Счастье заключается в абсолютной *автаркии* (*αυταρκεια* — автономность, самодостаточность, независимость и адаптивность). Важность репликации М. Монтенем древнегреческой субстантивной лексики определяется тем, что данные единицы сыграли определяющую роль в развитии античной онтологии и гносеологии (Янзина, Корнеев, 2015, с. 1034):

- *Αυταρκεια προσ πασιν ηδωνη δικαια — Parfaite autonomie: le plaisir véritable*²⁰;
- *Qvo me cvnqve rapit tempestas deferor hospes — Partout où m'emporte le vent, je me pose un moment*²¹.

4. Необходимо воздержаться от суждения и сохранять умеренность:

- *Servare modvm finemqve tenere — Garder mesure et observer limite*²²;
- *Ουδεν οριζω — Je ne décide rien*²³.

Важной составляющей паратопии является антропоцентрическая концепция М. Монтеня. Антропоцентрический фокус монтеневского дискурса

¹⁵ Не становитесь более мудрыми, чем необходимо, не опьяняйтесь мудростью.

¹⁶ Несчастен тот, кто считает себя мудрым.

¹⁷ Напрасно мы пытаемся жить, ведь нет такого удовольствия, которое мы бы уже не познали.

¹⁸ Ни бояться, ни ждать своего последнего дня.

¹⁹ Наслаждайся днем сегодняшним, остальное вне твоей власти.

²⁰ Абсолютная самостоятельность: настоящее блаженство.

²¹ Куда ни приведет меня ветер, везде я задержусь на мгновение.

²² Сохранять умеренность и видеть границы.

²³ Я ничего не решаю.

формируется гуманистической философией и антропологией, признающими человека основным предметом познания (Герасимова, 2011, с. 96). Человеко-ориентированность и субъективность восприятия являются опорными аксиологическими категориями рефлексивного дискурса философа. Вместе с этим репрезентация человека отмечена рекуррентностью пейоративных, отрицательных ценностных элементов характера и сущности. Используя древнегреческую и латинскую лексику, М. Монтень высвечивает и обличает людские пороки: *οἴησις* (тщеславие, самодовольство, высокомерие), *vanitas* (гордыня, самолюбие), *miserivus* (убогость, бедственность), *svperbivus* (гордыня, надменность), *pectora caeca* (душевная слепота, неразумность).

Рефлексия, направленная на определение сущности человека, сопровождается рядом стилистических фигур, которые позволяют выявить особенности его природы. Несколько цитат содержат метафорический перенос человек > божественное творение: *dei operibus, deus fecit*. Сравнения человека с тенью (*vmbræ*) и темнотой (*tenebris*) подчеркивают быстротечность, эфемерность жизни, а также несмышленность и возведенное в абсолют незнание. Важным для рефлексивного дискурса М. Монтеня является определение человека как союза тела и души: *anima conivngatvr corpori*.

Антропологическая доктрина М. Монтеня опирается, с одной стороны, на положение о том, что сущностной характеристикой человека служит многообразие, субъективность, разнообразие мнений и вкусов (*αλλοισιν μελει*). С другой стороны, все люди представляются Божественным творением наряду со всем живущим. В соответствии с этим любой человек обладает одинаковыми шансами (*fortvna*) и подчиняется общим законам природы (*lex*). Выражение Теренция *hvmani a me nihil alienvm pvto* (ничто человеческое мне не чуждо) представляет собой базовый элемент монтеневского субъективизма.

Некоторые цитаты на балках выступают также и интертекстовыми элементами *Essais*, служат инципитом или завершением к главам и формируют, таким образом, постоянное движение (*un va-et-vient*) монтеневской рефлексии (Legros, 2003). В частности, цитаты Лукреция и Горация на балках использованы в качестве интертекстуальных элементов в главе XII книги II *Essais*. Высказывание Теренция, запечатленное на балке в классической латинской форме, подвергается орфографической адаптации и грамматической редукции в главе II книги II: *homo svm hvmani a me nihil alienvm pvto > hvmani a se nihil alienum putet* (я человек, и ничто человеческое мне не чуждо). Прецедентное высказывание на балке Эразма выступает в роли эпилога в главе XLII книги I. Наконец, цитата из Плиния, представленная на потолочной балке, органически вводится в текст главы XIV книги II *Essais* через вводную конструкцию с оценочной коннотацией и также играет роль эпилога: *quelque argument pour secourir ce mot hardy de Pline* — некоторые замечания в пользу смелого утверждения Плиния.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного концептуально-аксиологического анализа семиотических знаков-цитат установлено, что они являются элементами, конструирующими подвижный рефлексивный дискурс ренессансного философа и писателя Мишеля Монтеня. Личная библиотека выступает как фактор паратопии, обрамляющий рефлексивный дискурс посредством семиотических знаков, которые представляют собой прецедентные тексты и культуросносные знаки. Потолочные цитаты позволяют философу не только сохранить для себя знания деятелей прошлого, но и сконструировать собственное рефлексивное Я.

Предпринятый семантический анализ тематики прецедентных текстов на балках показал, что наибольшее количество цитат обращено к концептосферам *мудрость, знание, жизнь, смерть, Бог, человек*. Значительную роль играют древнегреческие и библейские прецедентные высказывания, передающие процесс становления М. Монтеня как философа и речедеятеля. Наполнив библиотечный топос когнитивно обработанными высказываниями древних мыслителей, философ формулирует субъективные онтологические, психологические и аксиологические установки: *отречение от суждения, умеренность, самодостаточность, принятие естественного хода событий, антропоцентризм*.

Список источников

1. Сулейманова, О. А., Фомина, М. А., & Тивьяева, И. В. (2020). *Принципы и методы лингвистических исследований*. Языки Народов Мира.
2. Кудинова, Н. А. (2015). Рефлексивный дискурс как один из способов развития мышления. *Инновационность и мультикомпетентность в преподавании и изучении иностранных языков*. Н. М. Мекеко (Отв. ред.). РУДН, 478–486.
3. Лефевр, В. А. (2003). *Рефлексия*. Когито-Центр.
4. Морозкина, Т. В., & Врыганова, К. А. (2017). К вопросу о рефлексии в межкультурной коммуникации. *Право и образование*, 9, 86–91.
5. Морозкина, Т. В. (2014). От понимания текста к интерпретации в рефлексивно-дискурсивном измерении. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 8–2(38), 96–99.
6. Дубнякова, О. А., & Кашина, Т. А. (2017). Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника. *Вестник МГПУ. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(25), 42–49.
7. Канафьева, А. В. (2020). Структурно-семантическая организация риторических высказываний в речевом акте субъективного размышления. *Русский язык в славянской межкультурной коммуникации*: сб. науч. трудов. Диона, 137–143.
8. Касавин, И. Т. (2006). Дискурс и хаос. Проблема титулярного советника Голядкина. *Психология*, 1, 3–18.
9. Михайлова, Е. Н. (2017). Ренессансная система знаний о языке: от диалога культур к культуре диалога. *Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социо-гуманитарные ценности*. НЕОЛИТ, 345–367.

10. Vikulova, L. G., Tareva, E. G., Serebrennikova, E. F., Gerasimova, S. A., & Rayskina, V. A. (2020). Retrospective semiometrics of the sign Valeur. *XLinguae*, 13(1), 169–183. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2020.13.01.13>
11. *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия*. (2018). О. А. Сулейманова (Отв. ред.). URSS: Ленанд.
12. *MONLOE: MONTaigne à L'Œuvre*. Programme ANR CORPUS 2012 (ANR-12-CORP-0003-01). <https://montaigne.univ-tours.fr/>
13. Legros, A. (2003). *Peintures et inscriptions chez Montaigne*. Klincksieck.
14. Михайлова, С. В. (2011). Литературный салон XVII века как фактор паратопии. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(7), 108–113.
15. Maingueneau, D. (1993). *Le contexte de l'oeuvre litteraire. Enonciation, ecrivain, societe*. Dunod.
16. Борботько, Л. А., & Короленко, О. И. (2016). Коммуникативная норма официального научного общения: торжественная речь в академическом дискурсе XVII–XVIII вв. *Научный вестник ВГАСУ. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*, 3(31), 95–103.
17. Викулова, Л. Г. (2012). К проблеме культурной миграции французской литературной сказки XVII века: устное бытование — салонное развлечение. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*, 4, 34–39.
18. Викулова, Л. Г. (2005). Роль писателя в культурной миграции литературных жанров: литературная сказка XVII в. *Психосистематика в России и за рубежом (Памяти Л. М. Скрелиной)*: материалы Междунар. научн. конф. РГПУ, 10–12.
19. Викулова, Л. Г. (2012). Издательский дискурс в системе общения «автор – издатель – читатель». *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 2s(18), 63–69.
20. Jakubczuk, R. (2021). Étude retrotopique d'un texte théâtral. *Le cas de la dramaturgie de Wajdi Mouawad*, 37–47.
21. *The Montaigne Project*. <https://www.lib.uchicago.edu/efts/ARTFL/projects/montaigne>
22. Викулова, Л. Г. (2016). Французский литератор XVII века: энциклопедическая доминанция, лингвистическая компетенция, коммуникативное лидерство. *Древняя и Новая Романия*, 17, 266–278.
23. Черкашина, Е. И. (2009). Преподаватель иностранного языка в неязыковом вузе: особенности профессионального становления. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(4), 81–87.
24. Тивьяева, И. В. (2020). Структурная организация мнемического нарратива. *Сибирский филологический журнал*, 1, 303–315. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/70/24>
25. Чупрына, О. Г. (2014). Прецедентные явления в британской литературе о подростках (лингвокультурологический подход). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(15), 71–79.
26. Чупрына, О. Г., Баранова, К. М., & Меркулова, М. Г. (2018). Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3(56), 120–125. DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-3-120-125>
27. Gagnebin, C. (2009). La figure de Socrate dans les essais de Montaigne. *Revue de theologie et de philosophie*, 141, 237–242.
28. Янзина, Э. В., & Корнеев, О. В. (2015). К вопросу о роли грамматики в создании языка древнегреческой философии. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, 19, 1034–1050.

29. Герасимова, С. А. (2011). Антропоцентрический подход к языку. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(8), 96–100.

References

1. Sulejmanova, O. A., Fomina, M. A., & Tiv'jaeva, I. V. (2020). *Principles and methods of linguistic research*. Jazyki Narodov Mira. (In Russ.).
2. Kudinova, N. A. (2015). Reflexive discourse as a way of development of thinking. *Innovation and multi-competency in teaching and learning foreign languages*. N. M. Mekeko. (General eds.) RUDN, 478–486. (In Russ.).
3. Lefevr, V. A. (2003). *Reflexion*. Kogito-center. (In Russ.).
4. Morozkina, T. V. (2014). From text understanding to interpretation in reflexive-discursive dimension. *Philological sciences. Issues of theory and practice*, 8–2(38), 96–99. (In Russ.).
5. Morozkina, T. V., & Vryganova, K. A. (2014). To the question of reflection in intercultural communication. *Low and education*, 9, 86–91. (In Russ.).
6. Dubnyakova, O. A., & Kashina, T. A. (2017). Communicative and pragmatic particularities of personal diary. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(25), 42–49. (In Russ.).
7. Kanafeva, A. V. (2020). Structural and semantic organization of rhetorical statements in the speech act of subjective reflection. *Russian in Slavic Intercultural Communication: collection of scientific papers*. Diona, 137–143. (In Russ.).
8. Kasavin, I. T. (2006). Discourse and chaos: the problem of the titular councillor Golyadkin. *Psychology*, 1, 3–18. (In Russ.).
9. Mihajlova, E. N. (2017). Renaissance system of linguistic knowledge: from dialogue of cultures to culture of dialogue. *Dialogue of cultures. Culture of dialogue: human and new socio-humanistic values*. L. G. Vikulova, E. G. Tareva (General eds.) NEOLIT, 345–367. (In Russ.).
10. Vikulova, L. G., Tareva, E. G., Serebrennikova, E. F., Gerasimova, S. A., & Rayskina, V. A. (2020). Retrospective semiometrics of the sign Valeur. *XLinguae*, 13(1), 169–183. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2020.13.01.13>
11. *Discourse as a universal matrix of verbal interaction*. (2018). O. A. Sulejmanova (General eds.) URSS: Lenand. (In Russ.).
12. *MONLOE: MONTaigne à L'Œuvre*. Programme ANR CORPUS 2012 (ANR-12-CORP-0003-01). <https://montaigne.univ-tours.fr/>
13. Legros, A. (2003). *Peintures et inscriptions chez Montaigne*. Klincksieck.
14. Mihajlova, S. V. (2011). The XVII century literature salon as a paratopie factor. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(7), 108–113. (In Russ.).
15. Maingueneau, D. (1993). Le contexte de l'oeuvre litteraire. *Enonciation, ecrivain, societe*. Dunod.
16. Borbotko, L. A., & Korolenko, O. I. (2016). Communicative norms of formal scientific communication: oration in the academic discourse of the XVII–XVIII centuries. *Scientific Newsletter Modern linguistic and methodical-and-didactic research*, 3(31), 95–103. (In Russ.).
17. Vikulova, L. G. (2012). The problem of cultural migration of the XVIIth century French literature fairy tale: from oral being to salon entertainment. *Bulletin of Krasnojarsk State Pedagogical University*, 4, 34–39. (In Russ.).
18. Vikulova, L. G. (2005). The role of the writer in the cultural migration of literary genres: a literary tale of the XVIIth century. *Psychosystematics in Russia and abroad (to the Memory of L. M. Skrelina)*. RSPU, 10–12. (In Russ.).

19. Vikulova, L. G. (2012). The publishing discourse in communication system «author – publisher – reader». *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, 2s(18), 63–69. (In Russ.).
20. Jakubczuk, R. (2021). Étude retrotopique d'un texte théâtral. *Le cas de la dramaturgie de Wajdi Mouawad*, 37–47.
21. *The Montaigne Project*. <https://www.lib.uchicago.edu/efts/ARTFL/projects/montaigne>
22. Vikulova, L. G. (2016). The writer in the French society of the 17th century: encyclopedic domination, language competence, communicative leadership. *Ancient and Modern Romania*, 17, 266–278. (In Russ.).
23. Tcherkashina, Ye. I. (2009). The teacher of a foreign language in a non-philological university. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(4), 81–87. (In Russ.).
24. Tivyaeva, I. V. (2020). Structural organization of memory narrative. *Siberian Philological Journal*, 1, 303–315. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/70/24> (In Russ.).
25. Chupryna, O. G. (2014). Culture references in British teen books (linguocultural approach). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(15), 71–79. (In Russ.).
26. Chupryna, O. G., Baranova, K. M., & Merculova, M. G. (2018). Fate as a concept in language and culture. *Questions of cognitive linguistics*, 3(56), 120–125. DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-3-120-125> (In Russ.).
27. Gagnebin, C. (2009). La figure de Socrate dans les essais de Montaigne. *Revue de théologie et de philosophie*, 141, 237–242.
28. Yanzina, E. V., & Korneev, O. V. (2015). Some comments on the role of grammar in creation of the language of ancient Greek philosophy. *Indo-European linguistics and classical philology*, 19, 1034–1050. (In Russ.).
29. Gerasimova, S. A. (2011). An anthropocentric approach to language. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(8), 96–100. (In Russ.).

Информация об авторе

Валерия Александровна Райскина — кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Valeriya A. Rayskina — PhD (Philology), Docent, Associate professor of Roman Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.